

Глава 25.1: Настоящий мужчина не говорит «не могу»

— Что с тобой такое? — Нин Цзяю чувствовал, что с Янь Шо творится что-то неладное.

Янь Шо процедил сквозь зубы:

— ...Ничего.

— Тут остался еще один пакетик с острым перцем, будешь? Если нет, я забираю, — Нин Цзяю поднял крошечный «источник зла» размером с почтовую марку, и его глаза заблестели от предвкушения.

— Нет. — Янь Шо наблюдал, как тот счастливо высыпает всё содержимое пакетика в тарелку, и втайне ругал себя за глупость. Надо же было заказать то же самое, даже не проверив, насколько это остро.

Голодный Нин Цзяю в мгновение ока уплел полпорции рисовой лапши. Подняв голову, он заметил, что Янь Шо уже довольно давно не притрагивался к еде.

— Тебе не нравится? — озадаченно спросил он.

— Нет, — лицо Янь Шо потемнело. Он не мог признаться, что ему не нравится блюдо, которое он выбрал сам.

Нин Цзяю вспомнил, что обычно рацион Янь Шо был очень пресным, и до него наконец дошло:

— Ты что, совсем не ешь острое?

— Ем, — язык Янь Шо буквально горел, но «настоящий мужчина не может сказать, что он чего-то не может».

Нин Цзяю с облегчением выдохнул:

— Ну, тогда я спокоен. Ешь быстрее, холодная лапша — это совсем не то.

С этими словами он снова уткнулся в тарелку, с аппетитом прихлебывая бульон.

Янь Шо посмотрел на свою порцию говяжьей лапши, в которой плавали хлопья красного чили, и взялся за палочки с решимостью приговоренного к казни.

Спустя полчаса Нин Цзяю, покончив с едой, блаженствовал в теплом помещении. Он лениво листал ленту в телефоне, потягивая охлажденный суп из бобов мунг. Перед Янь Шо все еще стояла добрая половина порции, зато суп он выпил до последней капли, пытаясь унять пожар во рту.

Его губы и язык онемели от боли. Что еще хуже — Нин Цзяю упорно не уходил, и у Янь Шо не было ни единого шанса закончить эту пытку, сохранив лицо.

В какой-то момент боль стала настолько тупой, что лапша в миске уже не казалась такой уж жгучей. Когда Нин Цзяю в третий раз поторопил его, Янь Шо собрал волю в кулак и одним махом доел остатки.

Нин Цзяю, который и сам давно хотел улизнуть, но не решался, быстро собрал пустые контейнеры и вынес их в бак в коридоре.

Когда он вернулся в комнату отдыха, Янь Шо сидел, прижав руку к груди, и лицо его не предвещало ничего хорошего.

— Президент Янь, что случилось? — Нин Цзяю бросился к нему.

— Все в порядке, — лицо Янь Шо было бледным как полотно, а губы, только что алые от перца, теперь пугающе обескровили. Если это называлось «в порядке», то мир явно сошел с ума.

— Где болит? — Нин Цзяю силой отвел руку Янь Шо и нажал на то место, которое тот закрывал. — Здесь?

Ладонь юноши легла прямо на область желудка, который сводило от сильнейших спазмов. На лбу Янь Шо выступил холодный пот; он едва заметно кивнул, и тяжелая капля скатилась по его подбородку.

Сердце Нин Цзяю ушло в пятки. Он вытер пот со лба больного своим рукавом и взволнованно спросил:

— У тебя что, проблемы с желудком?

Янь Шо покосился на него:

— Болею я, а боишься ты? — голос его охрип, но тон оставался высокомерным.

Нин Цзяю засуетился:

— Если у тебя больной желудок, тебе нельзя было есть это острое и запивать ледяным супом! Жди здесь, я сбегаю вниз к доктору Мэну за лекарством.

Он уже развернулся к двери, как вдруг за его спиной Янь Шо вырвало кровью. Ярκο-алые пятна просочились сквозь пальцы, которыми он пытался прикрыть рот, и расцвели жуткими цветами на его бежевом пальто.

Нин Цзяю мгновенно пересадил Янь Шо в кресло-каталку, выкатил его в коридор и на ходу набрал номер Мэн Цзюня:

— Доктор Мэн, у президента Яня подозрение на желудочное кровотечение. На каком этаже терапия?

Голос Мэн Цзюня был встревоженным, на фоне слышался шум:

— Второй этаж. Как он? У нас тут крупная авария, все врачи на спасении раненых. Вези его сразу в отделение неотложной помощи, только там сейчас кто-то может быть.

— Я разберусь. Пришли мне его медкарту, — Нин Цзяю нажал кнопку второго этажа. Он расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке Янь Шо и просунул свою прохладную ладонь под ткань, прижав её к груди мужчины.

От неожиданного холода Янь Шо, уже начавший терять сознание, вздрогнул:

— Что ты делаешь?..

Он попытался оттолкнуть руку, но, к его удивлению, обычно послушный и кроткий юноша пресек эту попытку и мягко успокоил:

— Под рукой нет льда, так что потерпи мою ладонь. Не бойся, я не дам тебе умереть. Постарайся расслабиться. Ложись на бок, не на спину.

Нин Цзяю осторожно повернул его. Со стороны казалось, будто он нежно обнимает Янь Шо, укрывая его собой.

Сознание Янь Шо то угасало, то возвращалось. Голос Нин Цзяю звучал где-то рядом, но слова сливались в неразборчивый гул. В этом тумане он видел лишь обеспокоенное лицо юноши, который склонился над ним, словно пытаясь защитить.

За все те годы, что он в одиночку продирался сквозь этот адский мир, кто-то впервые встал перед ним живым щитом. Пусть даже, по его мнению, этот «щит» явно переоценивал свои силы.

— Нин Цзяю...

Губы Янь Шо шевельнулись, но не издали ни звука. Подбадривающий голос юноши становился все тише. Последние остатки самообладания покинули его, и Янь Шо провалился в темноту.